

В. А. Зверев

«ЖИТЬ, ЧТОБЫ ЛЮДИ ЗАВИДОВАЛИ».
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ДЕРЕВНИ В СЕМЕЙНОМ
ПРЕДАНИИ КУРИНЫХ*

Опубликовано: *Зверев, В. А.* «Жить, чтобы люди завидовали»: социокультурная история переселенческой деревни в семейном предании Куриных / В. А. Зверев // Актуальные вопросы истории российской провинции XVI–XX вв.: темат. сб. науч. тр. / под ред. С. В. Кущенко. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2011. Вып. 6. С. 153–178.

В Колыванском районном краеведческом музее Новосибирской области хранится рукопись, вышедшая из-под пера *Сергея Ивановича Курина*, 1921 г. рождения, уроженца и жителя с. Сидоровки Колыванского района. Текст, который называется «История Сидоровки», составлен автором в начале 1990-х гг. шариковой ручкой в школьных тетрадях. Объясняя причины, по которым он – старый, не очень грамотный крестьянин – взялся за непривычный «писательский» труд, Сергей Иванович, во-первых, ссылается на просьбы односельчан, во-вторых, на свое желание, чтобы молодежь (прежде всего его 11 внуков и 3 правнука) больше узнала о предках, о своей малой родине и поминала добрым словом сельского летописца.

В начальной части рукописи, посвященной событиям 1870-х – начала 1920-х гг., автор изложил неоднократно слышанные в детские и юношеские годы рассказы отца, Ивана Николаевича (1873–1951), других старших родственников и односельчан. Собственные воспоминания и рассказы сверстников дали автору материал для той части истории родного села, которая приходится на конец 1920-х – 1930-е гг.

Среди основных сюжетов в повествовании – основание Сидоровки (предположительно, в 1870-х гг.), ее обустройство многонациональным населением (первопоселенцами-чувашами, мордвой и русскими), отцовская свадьба, яркие особенности хозяйства, народной культуры и быта, криминальная история, эпизоды Гражданской войны и Колыванского крестьянского восстания 1920 г., сплошная коллективизация деревни и др. Особое место в предании занимает личность И.Е. Сидорова – основателя села и его первого старосты.

Тетрадки С.И. Курина были любезно предоставлены нам для копирования и публикации директором Колыванского музея *Н.П. Козловой*. Несколько отрывков из «Истории Сидоровки» уже обнародованы нами или вышли с нашим участием¹. В данной публикации

* Подготовлено по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН № 29 и при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00247а.

¹ *Зверев В.А.* Два семейных предания о переселении в Алтайский окр. конца XIX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2005. – Вып. 6. – С. 159–163; *Он же.* «У жадного брюхо болит»: эпизоды криминальной истории сибирской деревни (первая треть XX в.) // Жить законом: правовое и правоведческое пространство истории. – Новосибирск, 2003. – С. 126–149; *Он же.* «Это всё с рассказов родителей...»: основание переселенческой деревни в семейном предании Куриных // Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – начале XXI в. – Новосибирск, 2009. – С. 247–258; *Зверев В.А., Веровой В.И.* «Расскажу по собственной памяти»: социалистическая новь сибирской деревни в воспоминаниях С.И. Курина // Актуальные вопросы истории российской

впервые помещены несколько фрагментов, повествующих в основном о социокультурных и духовно-нравственных аспектах ранней, досоветской истории Сидоровки. Один из центральных разделов посвящен строительству местного храма в 1909–1911 гг. и возникновению сидоровского прихода Русской православной церкви – событию, многое изменившему в жизни села.

Как и в предыдущих случаях, при подготовке рукописи к печати была проведена осторожная грамматическая правка, текст по-новому разбит на абзацы, в прямых скобках сделаны целесообразные вставки или изъятия. В то же время сохранены все основные особенности авторского стиля изложения и лексикона. Незнакомые большинству современных читателей слова и выражения мы снабдили необходимыми разъяснениями.

[Деревня в первые десятилетия своей истории.]

[...] Не только мокшане¹ селились, со всех губерний России² ехали люди, искали приют в Сибири. Так и наша Сидоровка наполнялась разным сословием народа. Рязанские, казанские, ереснинские³, пензенские, тамбовские, вологодские – многих даже свои сельчане не знали по фамилии. Приехал с Рязани, так и звали – Рязанский, скажем, Ефим или Степан. Такой вот пример: Васильев Сергей – Сергей Симбирский. [Другого звали] Иван Ереснинский, а он Петров. Или вот такой пример: по приметам называли Сергей Черный, а он Анисимов. Сына его звали уже Сёмка Черного Сергея. В общем, по фамилиям мало кого называли, особенно бедноту. Много было прозвищ, по прозвищу знали, кто где живет.

Конечно, свои сельчане называли по прозвищу заочно только, чтобы человек не обиделся, скандалу не наделать. Но это пока люди находятся не во хмелю. А если какой-нибудь праздник, без скандала не обходилось, да и драк хватало. Особенно драчливые были мокшане. Где мокшане гуляют в праздник – драка обязательно меж собой, а если попал кто из чужой компании – обязательно найдут причину подраться. Обиженный бежит в свою компанию с жалобой, что вот кто его побил. Из той компании мужики – участники гулянья – идут мстить той компании. Частенько доходило и до кольев и оглоблей, [которые] применяли в драке. Тут уж и бока, и черепа трещали, да и окнам доставалось – только стекла дребезжали разбитые. [Если] после гулянки не сходились в мировой, то в следующую гулянку снова драка. Или поодиночке ловили и мялку давали, или усиливали компанию обиженные в прошлой схватке и мстили обидчикам. Или же своими боками опять платились. Смотря, на чьей стороне был перевес.

провинции. – Новосибирск, 2010. – Вып. 5. – С. 279–297; Козлова Н.П. «Как это всё началось...»: воспоминания С.И. Курина // «Есть родина твоя...»: материалы Междунар. науч. конф. «Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX в.)»: секция «Молодые историки – сибиреведы и краеведы». – Новосибирск, 2002. – С. 52–58; Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. – Новосибирск, 2006. – С. 214–222.

¹ Мокшане – мордва, представляющая мокшу – одну из основных в этом народе этнических групп.

² Россия (Расея, Росея) – так сибиряки-старожилы раньше обычно называли европейскую часть Российской империи.

³ Ереснинские – группа жителей Сидоровки, выходцев из селения Ерестного или Ерестнинского (в пределах Томской губ. располагалось несколько таких селений).

При увеличении деревни появилось [много] мастеров на все ремесла. Да оно и нужно было всяких мастеров. Селились сапожники, пимокаты, портные верхней одежды и нижнего белья, – не все же могли сшить рубаху или штаны, юбку или кофту. Кто [носил] шубы да тулупы с дохами из собачины, а кто и зипуны из самодельного сукна, да и шабурье¹ вместо тулупа, – не у всех же был достаток сшить тулуп или доху... А ведь в зимнее время в Сибири у нас без такой одёжи не обойтись. Ездили на конях в санях, а не в автобусе или в кабине на машине и тракторе.

На первых, как говорится, порах нужно поселенцам обзавестись хозяйством. А как, думаете, обзаводились? Некоторые приезжали, будем говорить, с Росееи с деньгами да и на своем тягле, то есть на лошаденке или на двух. А многие и на наемных подводах. Лишь бы выбраться с малоземелья на вольные [земли], чтобы лучше устроить свою жизнь. И устраивали. Кто нанимал лошадей у старожилов – обработать хоть часть своего участка. Кто по пути покупал себе тягло, или оставались в окрестных деревнях на временную работу по найму, лишь бы приобрести свое хозяйство, особенно лошаденку. У некоторых переселенцев были и порядочные семьи, да рабочих рук хватало. В то время ручной труд кормил человека, вся техника была – конная молотилка, да у кого конная жатка, и то редко. Пахали не плугом, а сохой, которой картошку [теперь] окучивают. Бороны деревянные с железными зубьями, и то не у всех – только кто жил посправнее, было на что купить. Дерево-матушка, особенно береза, выручала бедноту: чем ничем надо обработать землю-матушку. А остальная работа ложилась вся на мозолистые руки мужика, но и женщин не обходила. Особенно в покос и в уборку урожая. Поэтому требовались рабочие руки в старых деревнях, [где жили] мужики, которые раньше покинули европейскую часть России. Они и нанимали рабочую силу в батраки на время. Рассчитывались по договоренности. Кто за коня отработывал всей семьей, кто за хлеб, то есть за зерно на семена.

Вот таким путем и начинали жить наши сельчане. Жили по-разному. Кто бедновато, но больше отдыхал. Кто и богатство быстро наживал, но отдыхать меньше приходилось. Оно само хозяйство не давало отдыхать. Охота побольше хлебушка сжать, значит, [нужно] побольше посеять, да и получше обработать, – опять отдых в отставку. Задумал скотинки больше держать – а за ней нужен уход, иначе ничего не получишь. Были, сказывают, и такие – по двадцать лошадей имели, [но] только за целый день до Колывани доезжали. А про других рассказывали – всего двенадцать меринков держали, вот у них были кони. Было, говорят: как выйдет из Сидоровки, не успеет и остыть – уже в Колывани. С делами управится и до заката солнца дома. Вот так вот и жили по-разному в Сидоровке. Но ленивых были единицы. Большинство – работающий народ.

А ведь не все занимались хлебопашеством, а кто как умел жить. Взятся портняжить – только этим и занимается, этим и кормит свою семью. Научился кожи, овчины выделывать – этим и занимается. Ну, может, и сеет десятину или две, да сено косит для коня. Поехать-то надо куда-нибудь. Корову [держать] не обязательно, молока и так заработает без лишней заботы.

¹ Шабурь (шабурье) – верхняя одежда из холста, домотканины, сермяжины; всякая плохая, грубая одежда.

Вот так и жила Сидоровка, и развивалась. Кто в работниках жил, а кто и работников нанимал. Даже и купчики свои завелись по мелкой торговле. Первая необходимость – это соль. Кое-какая и мануфактура. Не каждый мог поехать хотя бы в Колывань, то есть не у каждого лошадь была. Как вот, примерно, у кустарей, которые занимались пошивкой одежи, обуви, выделкой кожи и овчин, у пимокатов... Были и дерево-искусники, которые делали веретёшки для пряжи ниток, прялки ручные, чтобы было удобно прясть пряжу, то есть для крепления кудели, из чего окручивается нить. Самопряжи, которые крутят ногой, то есть приводят в движение шпули, на которые наматывается крученая нить. Вот для таких людей нужны [были] торговцы, которые закупали у колыванских купцов необходимые для сельчан товары и продавали у себя в Сидоровке. Это в начале организации деревни. А кто занимался хлебопашеством, тот и сам каждую субботу на воскресенье ездил на базар. Что-нибудь да продавал. Везли, я уже говорил, от зерна начинай, до дуба-корья... Мох, дрова, сено, – в общем, кто чего приобретет для продажи.

Вот так вот и развивалось сидоровское крестьянство. У большинства было сообщение летом с колыванским базаром, а зимой, может, кто сена накосит с излишком да увезет, продаст, или дров наготовит с избытком.

Но как-то дружно не жили чуваши с мокшанами, особенно молодежь. Особенно подражаться любили мокшане, – не только с чувашами, но и меж своей нацией. Большинство схваток-драк происходило в зимнее время, а летом мало находились дома, все больше на своих полях. Не считали нужным находиться дома, особенно у кого были поля в отдаленности. Чем зря коней гонять, чтобы только переспать дома (считали – лишнее мучение коням), лучше лишний загон вспахать или полоску заборонить в пользу для своего хозяйства. От субботы до субботы в поле, вернее, от понедельника до субботнего вечера... За продуктами съездить, так если есть подросток у кого, его пошлют, а взрослые лучше отдохнут. Так что летом молодежь мало гуляла в отдышке.

Но зимой – дело другое. Управятся со скотом, поужинают, и гуляй сколь хошь, развлекайся. А какое в то время было развлечение? Ни клуба, ни кино не было. Девки собирались вечеровать у кого-нибудь у подруг. Человека по три, до пяти собирались рукодельничать гуртом. Вот туда и ребята тянулись любоваться на девок, да и с друзьями повстречаться, побеседовать, отвлечься от дневного труда. Ну, там, в карты поиграть, какую-нибудь быль узнать, или кто сказку какую расскажет. А если в какой-нибудь группе балалайка или гармонь есть, то в том месте всегда больше молодежи собирается, потому что там веселей. Пляски заводятся, да еще с частушками. Это девичье развлечение – «Подгорная». Были и парни-плясуны – таборка¹ или цыганочку отбацают. Были отчаянные ребята. Умели повеселиться, да и драку затеять мастера. Вот так вот и веселилась молодежь. А с чего драки начинались? Другой раз и ни с чего – из-за какой-нибудь мелочи, просто у кого-нибудь кулаки зачесались, охота подражаться, и только.

Я же говорю, что собирались гуртами – где девки, там и ребята. А этих гуртов по деревне много. Собирались в каждом курмыше²: кто где живет, тут и собирались... Вот и

¹ Таборок – цыганский (таборный) танец.

² Курмыш – ряд изб, «конец» в деревне, одна сторона улицы.

присваивались – в каждом кутке своя компания. Особенно ребята – [те] не только свои кутки посещали, но и соседние.

Посидят у своих девчат, и кто-нибудь надумает попроведовать сходить соседний куток. И ринутся всей гурьбой. Ну, а соседскому кутку или хотя бы какому-нибудь парню не по душе пришлись соседи или кто-нибудь из них. Начинается придирка – повод всегда найдется, причина сыщется. За грудки друг друга, – тут и заступники находятся с обеих сторон. Если в избе завяжется скандал, то вываливаются на улицу, и пошла потасовка. Обязательно бывают побежденными пришлые, и гонят их хозяева до ихнего кутка. Если легкая свалка получится – пригрозят, чтобы больше не приходили. На следующий раз сами победители вздумают посетить побежденных соседей. И они драпают с разбитыми носами. Эта вражда долго длится, до будущей зимы, а то и в будущей зиме вспоминается, происходит мщение.

Это происходило по соседству... из-за девок или [были] другие причины. Но вот национальная вражда была сильнее. То есть чуваши с мокшанами почти не дружили, это я говорю про молодежь. Чуваши хотя и первые поселенцы, но их меньшинство, мокшан больше, да [они] драчливее. Чуваши боялись ходить в мокшанский край. Опять же, я напоминаю, [что речь] про молодежь. Со взрослыми, то есть с пожилыми мужчинами, редко получались скандалы и драки. Только если в праздники, в пьянке... а чтобы в трезвом состоянии – боже упаси затеять скандал. За это дойдет до разбору сельского схода, и виновник обязательно понесет строгое наказание. На это был строгий закон. За нарушение сельского покоя и мирной жизни – вплоть до выселения из деревни. Если не сойдутся мирным путем, то жди, зачинщик, кары.

Тамбаши в Сидоровке. Расейский край.

Расейским называли наш край, где наши поселились. Потому что почти были одни тамбаши, [выходцы] с Тамбовской губернии.

Мои предки (то есть мой [пра]дед Филимон, живший у себя на родине в Тамбовской губернии, Лебедянском уезде, селе Тележенке) получили письмо от родственника Ефрема, уехавшего – три года прошло уже. С обидой вроде, что он по просьбе ... Филимона – описать жизнь в Сибири – [уже] до этого писал ему: «Дорогой кум Филимон, мы доехали до Сибири благополучно, без потери имущества, если не считать затраты на проезд. Я же тебе писал, что устроились хорошо. Построили себе избенку. Занимаюсь хлебопашеством в деревне Сидоровка в 25-ти верстах от города Колывани, бывшего Чаусского острога. Получил землю для посева и покоса, огород для картошки и капусты и всякой мелочи, лес рядом для дров. Хотя зима холоднее, чем там у вас, но никто не замерзает, в избах тепло. Так что жить здесь лучше, чем там у вас в Росее. А какое здесь раздолье, – летом приезжай, сам увидишь, что жить здесь лучше». Вот такие письма получал наш [пра]дед Филимон.

А тут же [Ефрем] с обидой писал, что не верит ему кум. Он писал, что сыновья его старшие живут в работниках у хороших людей. А младший с ним, [имеют] свои пашни, то есть на своих полях работают и хозяйство держат. «Так что не раздумывай долго, не бойся, что здесь пропадете с голоду или, как мы боялись, что звери растерзают. Это пугали нас बारे наши, что Сибирь полна зверья всякого: “Кого ссылали, ни один не вернулся – их звери

растерзали”. Неправда это. Это они запугивали народ, чтобы их не покидали после получения вольной. Правда [же в том, что] Сибирь заселена ссыльными, и все живы и здоровы. Зверь, правда, есть, но он боится человека, потому что человек хитрее любого зверя. [...] Многие занимаются промыслом пушного зверя, а сдают шкуры колыванским купцам. Так что не раздумывай и не бойся. Приезжай, мы вас ждем. Ждем вести». И на этом кончено было письмо.

Когда получил наш дед письмо, отец мой его прочитал ему, да и вся семья слушала. Стали совет держать старики. Этот Филимон был дед моего отца, а отца моего отца звать было Николай Филимонович. Прадед мой умер на второй год после отъезда в Сибирь Ефрема. Это дед Николай с бабкой Прасковьей держали совет по части покидания Расеи на обмен Сибири. [Прасковья] больше всех [боялась] Сибири – сама за себя, да и за детей. А их было у нее четверо, три сына да дочь, которая недолго пожила в Сибири – всего два года, умерла от какой-то болезни. По рассказам родителей, [ее] затрепала лихорадка. Это малярию так называли.

Целую неделю уговаривал дед бабку, чтобы поехать в Сибирь. Все-таки сговорил. Распродали свое хозяйство и тронулись в путь далекий. Доехали до железной дороги на наемных подводах (до станции до какой – говорили мне, но я не помню). Дед Николай взял билеты, а поезда еще не было. Сидели всей семьей на своих вещах в ожидании поезда. Послышался гудок приближающегося поезда, вот и сам поезд подкатил к станции. Бабка Прасковья как увидела – давай креститься: «Господи, господи, деревня бежит». Дед еще и пошутил: «Вот, – говорит, – целая деревня в Сибирь убегает с домами, а ты боялась с Расеей расстаться, свою Тележенку жалела».

Шутки-то шутками, а с бабкой-то целая беда. Не идет в вагон. «Это, – говорит, – нечистая сила без лошадей бежит». Кое-как в вагон затащили силком. Кто под руки, кто сзади подталкивает. Затащили, да еще держать надо, а то спрыгнет с вагона. Да еще вещи надо погрузить до отхода поезда. «Целая беда с Прасковьей», – это дед потом так рассказывал уже в Сидоровке Ефремовой семье. Караулили ее чуть [ли] ни двое суток пути – так перепугалась поезда. Как говорится, родилась – не видела железнодорожного транспорта, кроме лошадиной тяги. А потом и сама над собой смеялась.

До Прокуткиной¹ доехали поездом, а [на] остальной путь наняли лошадей, и до Сидоровки самой доехали. Стали спрашивать у первого встречного, где здесь Курины живут. «Какой курица, курица много». – «Не курица, а Ефрем Курин». – «Так говорил нада, ехай – будем казать». Проводником оказался чуваш, – ехал с поля своего. По-русски плохо разговаривал, но довел до избы Ефрема: «Вот здесь сидит он». – «Как сидит, – дед спрашивает, – болеет или караулит кого?». – «Нет, дом тут сидит». – «Надо узнать пойти, почему он сидит». А ходить-то не нужно было, Ефрем и сам вышел, и ворота открывает, и кинулся в объятья с кумом, с кумой и остальными. Да и сама Агафья выскочила к кумушке

¹ Прокуткина – с. Прокудское (современный Коченевский район Новосибирской обл.), близ которого на Транссибирской магистрали располагается железнодорожная станция Чик.

Прасковье своей. Вот так и приехали наши предки в Сидоровку в 1892 году¹. А Сидоровка уже растянулась больше трех километров, да в две улицы.

[...] Первый год дед Николай с семьей жил у Ефрема на квартире. К концу года перешли по соседству к Хромовым в скотскую избушку. Очистили ее от навоза и устроили печь для отопления. Жалеючи их, хозяин уступил [эту избушку] по дешевке. «Что, – говорит, – тесниться вам у Ефрема, у него и своя семья большая». Стал дед Николай с двумя сыновьями обрабатывать свой участок земли в отведенном поле и сеять хлеб. Старшего сына отдал в работники тут же по соседству – Кижеватову Афанасию – за одну десятину посеянной пшеницы на год.

Отец был молодой еще, но не промах, – не дал себя обмануть мокшану. Ездят на поля что-нибудь делать, – отец стал приглядываться на участок, который ему отвел Афанасий: что это редкие всходы на его участке, а на хозяйской [земле] хорошая пшеница взошла. Он и говорит: «Дядя Афоня, что это на моей десятине сильно редкая пшеница, а остальная, вон видишь, какая густая». – «Я ее, – говорит [Афанасий], – поздно посеял, еще не взошла, вырастет». Отец ... [рассказывал потом]: «Я и думаю – не обманул ли меня мокшан. Сказать-то, конечно, не сказал ему, а в душе подумал. Откажусь я от него, пусть пропадает у меня два месяца работы у него. К другому наймусь – более добросовестному мужику. Обманывать себя не дам».

Приехали с поля, управились как надо. Пошел отец к своему отцу на совет – что он посоветует. Он говорит: «Иди утром и скажи, что бесплатно работать не намерен. Вон мужики собираются в тайгу на Мальчиху к Фирстову² – покос косить да сено метать. Езжай с ними, а мы тут с Васькой да с Алешкой будем лес готовить на избенку, я уже договорился с Нестеренкой. Завтра уже поедем на деляну – он нам покажет. Да и сена надо накосить для коровы и коня. Пока с сеном да с хлебом убираемся, и лес [за] это время подсохнет».

Сидоровка пока без церкви.

Сидоровка все росла, хорошела, да и мужики крепили хозяйствами. Скота у некоторых стало голов по десять-пятнадцать рогатых, овец десятка по два, да лошадей до десяти пар запряжных, да от них молодняк. Плуги уже кое у кого появились, а то и два пароконных. Это кто хотел жить в достатке да еще с излишком. К концу восьмисотых годов³ крепкие крестьяне образовались. Не все, конечно.

Особенно старались хлеборобы жить так, чтобы люди завидовали. Сына женить – чтобы расчет был и на раздел, если не понравится [новой семье жить] вместе с родителями. Многие на это рассчитывали. Да сватать идти можно смело – не откажут. Не будет упрека на бедность. Да и сватали по состоянию хозяйства: богатые у богатых, бедные у бедных. Но не

¹ Предание противоречиво относительно даты переезда Куриных с Тамбовщины в Сибирь. В других местах своей рукописи С.И. Курин называет и 1890, и 1895 гг. На самом деле переезд при описанных обстоятельствах не мог произойти ранее 1895 г., так как западный участок Транссиба, по которому ехали переселенцы, был введен в строй в этом году.

² «На Мальчиху к Фирстову» – в район речки Бакса к северу от Колывани, где в селениях Мальчиха, Орловка, Лаптевка, Коноваловка оперировало предпринимательское хозяйство купца С.Ф. Фирстова – маслодельный заводик и пр.

³ Восьмисотые годы – XIX столетие.

всё так получалось, было и так, что хозяйская дочь выходила за работника своего. Скандалы получались между родителями. Но и мирным путем обходились, сговаривались.

Был такой случай, рассказывали, что влюбилась хозяйская дочь в работника своего, а он был совсем бездомный, приезжий, но красив и здоров собою. Но и она девка напоказ, вдобавок еще одна [единственная] дочь. Не объяснившись с родителями, подговорили одного парня с лошадыю. Жених-то был в хороших отношениях с парнем... Собрались вечером – вроде на посиделки. А вещи кое-какие Грунька заранее припасла. В условленное время собрались, и друг подъехал на коне. Конь был надежный, уселись в сани со шмутками и рванули до Криводановки¹. Оттуда был работник-то. Километров под семьдесят оттопали копыта Гнедка. В Криводановку въехали – он светло-серый стал от куржака². Но план сорвался у них: подкараулили их и доложили отцу, Сергею (величать не помню).

Отец быстро среагировал, тут же организовал погоню за беглецами. Только они успели зайти, раздеться, да лошадь угнали в другой двор по соседству. Разделись и уселись за угощальный стол. И [тут] погоня нагрязнула врасплох, застала их за столом. Сам Сергей с сыновьями, да еще соседей двоих прихватили (хотя и немудреный был один [из них – Кузька], ростиком меньше всех из погонщиков), на трех парах гнались. Отец было набросился на дочь: «Ах, стерва, без отцовского благословения крадочью удрала». За косы ее из-за стола выволок. Жених было в защиту, отнимать, да ему чуть не попало от невестиных братьев. Хорошо, что соседи набежали. Мужики крепкие, – на кулаках, как говорится, вынесли братьев да помощников. Пощадили только самого отца. Но он не отпустил дочериных кос из рук, пока не скрылась из виду Криводановка.

Ночевать остановились в Грязнухе на постоялом дворе, а коней здорово ухряпали, едва добрались до Грязнухи... Ну, отцу-то не пришлось спать, пока кони отдыхали, да и остальные погонщики. Только еще не спалось Кузьке-погонщику. То ли бока ныли от взбучки криводановских кулаков мужских. Или сердце предвещало скорую свадьбу. Он один был из компании неженатый – молод был еще. Утром кони передохнули, да сами тоже. Попивши чаю, ехать нужно еще верст сорок до Сидоровки. Доехали, хотя и с передышкой в Новотырышкине на обед.

К вечеру добрались. Как прибыли, домой заехали во двор, отец дал дочери такое объявление, что отдает ее за труды Кузьме в жены, раз не послушала отца, самовольничала. «А ты, Кузьма, иди домой, веди отца с матерью и [несите] четверть самогонки – будем запой делать³». Вот так из бедняков Кузька и попал в зятя к богатому Сергею. Вот такие дела происходили в новой деревне Сидоровке.

Базарная площадь.

Церковная площадь образовалась ... [на месте, которое отделяло] первых поселенцев чувашской нации от ... [первоначального] поселения мокшанской нации. Возвышенное место, обтекаемое с двух сторон [ручьями], впадающими в речку Вьюнку. В ширину одного

¹ Криводановка – селение на территории современного Новосибирского сельского района.

² Куржак – изморозь, иней.

³ Запой делать – устраивать пирушку по случаю удачного сватовства, где родственники жениха и невесты договариваются об условиях свадьбы.

квартала поперек деревни. Так как мокшане не желали близко селиться с чувашами, сходом было решено, чтобы была [здесь устроена] базарная площадь. Для сближения народностей решили построить общественную моленную для сбора православных христиан, для читки религиозных книг, или творить молебны в праздничные дни. А в будничные зимние дни [должна работать] образовательная школа, то есть обучать грамоте желающих людей. Было поручено (думаете, кому?) опять же Сидорову Ивану Егоровичу, главе деревни, чтобы он хлопотал в волостной земуправе¹ за грамотного человека, который мог бы обучать грамоте и вести праздничные молебны, да и детей крестить. Ближко-то церкви не было, только за двадцать верст.

В начале девятисотого года и была построена церковно-приходская школа на площади. Просуществовало это здание до тысяча девятьсот пятидесятого года, но только не в своем назначении. После революции, вернее, репрессии двадцать девятого года, выселили священника из дома на квартиру. А в доме [священника] устроили [новую] школу для детей. Так и называли – «поповская школа».

При построении приходской школы чувашаи с мокшанами смирились маленько, соединили свои поселки. С таким расчетом строили хозяева дома, с некоторым отступлением от порядка, чтобы получалась Базарная площадь. А как было не подружиться? Всю [положительную] роль сыграли русские, – селились между чувашей и мокшан. Русский язык стал как международный: его больше понимали, и он лучше давался для изучения. Как не изучить русский язык, проехавши такую даль со своей родины в Сибирь по русскому населению... Нужда заставила изучать его.

Сидоровские свадьбы.

Зажили приезжие мужи. Голодом мало кто оставался, да и не было, считай, голодающих. Не хватит своих продуктов, особенно хлеба, – заработает, а то займы возьмет за отработку сезонную. Ходили и нищие, особенно приезжие.

Начали мужики подрастающих сыновей женить, дочерей замуж отдавать. Одному нужно семью пополнить женскими руками. У некоторых сыновей много – пять, шесть. Одна жена не справляется с хозяйством. Только еду приготовить на столько ртов – сколько надо времени. Нанимали некоторые в помощь женщин или девок. Но это не то – наемный человек есть наемный. А вот сноха – это верная помощница свекрови.

А у некоторых мужиков девок – полный двор. Поговорка такая есть: «Рожались бы по заказу, дело бы другое...». Вот так и получалось, что отцы даже и навязывали дочерей в жены. Не так просто – «бери мою Маньку или Дуньку», и всё. А вроде в шутку: «Вот был бы моим зятем, любил бы я тебя». Или еще что обещает. А то и так бывало: «Женил бы ты своего Кольку на моей Нюрке, – хорошие [мы] сватовья были бы, и гульнули бы свадьбу». Труднее было расставаться тем отцам, у которых одна дочь: жалко отрывать помощницу у жены. А сыновей четверо. Как у моего отца – пять сыновей, а одна дочь, и та убегом ушла замуж, отца опозорила с матерью. Как наши негодовали, не хотели прощения давать да благословения, но ничего не поделаешь.

¹ Волостная земуправа – в данном случае имеется в виду, вероятно, волостное правление.

Свадьбы-то начинались со сватовства. Собираются родители жениха, да еще когонибудь прихватят в свидетели. Ну, а назначенные сват и сваха – кто-нибудь из жениховой родни обязательно. Они и торги ведут. Но прежде чем сватать, жениховы родители предупредят невестиных заблаговременно, чтобы приготовились к встрече сватов. Бывало и так: договорятся будущие сватовья с глазу на глаз, все чтобы было хорошо. Собираются сперва сваты да жених с понятыми. Их уже встречают приветливо, усаживают на передние лавки. Но сват со свахой выбирают себе места под матицей¹, чтобы не попусту болтать, наверняка «бить клинья». Это примета русская такая: если сваха или сват под матицей, то пустого сговора не будет. Через некоторое время появляются родители, – в общем, как сообщат им, что всё, можно ехать на запой и прихватить с собой четверть или две самогону, как затребуют родители невесты, как договорятся. Смотря, сколько соберется народу, то есть родни с обеих сторон.

Запой длится у некоторых дня по три, не то, что сейчас, – свадьба за один вечер. А свадьба и по неделе длилась. Под послед уже оставались женихова родня да невестина. Даже так было: на запой к жениху в первый вечер [собираются] только жениховы близкие да сваты с родителями от невесты. На второе утро идут или едут, если далеко, на похмелье на целый день.

Вы сейчас ужаснетесь, что нужно много самогонки да закуски. Нет, не беспокойтесь, – в то время помногу не пили спиртного, да и закуски, как говорится, [сколько] Бог послал. Огурцы да капуста были в ходу. Да хлеб-батюшка выручал всякой стряпней, кренделями да пирогами. Все сами делали. Ну, и салом не брезговали, если у кого было, да мяска помаленьку... Но гуляли свадьбы весело. Хотя и много не пили, а если кто жадный был на выпивку, его и за доброго человека не считали, и в компанию не с охотой приглашали, [чтобы он не мог] позорить своим куражом компанию.

Выпьют, бывало, по чайнушке² самогону, – обязательно бывает в компании запеваля протяжных песен. Ходовые песни в то время были: «Бродяга», «Казак скакал», «Стенька Разин». Много песен было перепето за свадьбу. А уж как по второй подадут, то уже застолье нарушается, переходят на пляс, особенно женщины под гармонь.

Я не досказал про запой-то – вперед заскочил. Отсидят дальше обеда у невесты жениховы родители за столом, да домой [спешат] раньше всех – стол готовить для приема невестиной родни. Да свою близкую родню пригласят. Так и продолжается до следующего почти вечера. Это зависело от хозяина, – как отпустит новую родню из своего гостеприимства. Тут же у них происходит договор о проведении свадьбы, сосчитают участников пиршества с обеих сторон. Насколько располагать гулянье – на неделю или больше.

Гуляли-то ведь не как сейчас – один вечер, и всё. Первые дни свадьбой руководили дружка с полдружкой³. Они должны обязательно знать участников пиршества. Они в первый день после обвенчания молодых сдают [новобрачных] родителям под благословление, с отведыванием каравая из рук отца – при встрече на пороге у входа в дом. Усадят за стол,

¹ Матица (матка) – деревянная балка, на которую настиляется потолок в деревенской избе.

² Чайнушка – чайная чашка.

³ Полдружка (подружье) – товарищ, или помощник дружки (шафера) на свадьбе.

собранный родителями, угостятся с молодыми, поздравят их с законным браком, закусят после чарочки, поднесенной отцом жениха. Едут собирать, или извещать, чтобы шли на свадьбу. По-нашенскому называется – «позывать гостей». Вот для чего нужно знать дружкам, кого именно нужно звать. Позывные объедут всех, да еще уточнят, не пропустили ли кого. А то ведь обида будет. До свадьбы родители с обеих сторон пригласят того, кого им нужно. [Дружки] уточнят: всех [ли] пригласили, объехали всех. Поручат или сами поставят коней к корму (большинство парой запрягали [лошадей] в кошевку).

Дальше ихнее [дружки и полдружки] дело встречать гостей да за столы усаживать, угощать в первый вечер. Родители за свидетелей, ихнее [дружек] дело поздравить молодых, родителей невесты. Да объявить, кого он [жених] из своей родни взял под опеку с угощением. Было так ведь: если идешь на свадьбу гулять, то и свою лепту вносишь, какую определяют родители молодых по договоренности. Каждый должен угощать гостей поочередно после женихова угощения. Не обязательно каждый сам по себе, а договариваются меж собой семьи по три и даже четыре. Вместе угощают, складчиной – и выпивкой, и съедобным. Собирают в один дом – у кого попросторней, но это после родителей.

Первый день, бывало, – как организационный у жениха, а второй – похмеляться, да блиновой день¹. Вот тебе и два дня ушло в канители родителям. После первого угощения у родителей дружки снимают с себя обязанности и полотенца оставляют дома, что им невеста дарила перед венчанием. (Это [дарение полотенца дружкам] бывает так. В назначенный день – начало свадьбы. Дружки, выбранные женихом и отцом его, первыми являются ... к родителям жениха, выясняют кое-какие вопросы о проведении свадьбы. Едут за обрядом жениха, то есть невеста должна приготовить для жениха свадебную рубашку, шарф, вязанный своими руками, перчатки, платочек – нос вытирать, чтобы сопли не текли на морозе. Это я шучу про сопли, просто так положено. И дружкам [невеста] навешивает полотенца. Дружке – через правое плечо, под левой подмышкой завязывают узел, чтобы не потерял. А полдружке – через левое плечо, под правой подмышкой – узел, чтобы не волочились концы по снегу во время езды в кошеве. От невесты обратно едут к жениху. Обряжают его и едут за невестой – везти их под венец. Невеста тоже уже в свадебном убранстве в ожидании поезда. Ее обряжают подружки и сваха с матерью. Под венец от жениха невесту везут поврозь. Жених едет с дружкой, а невеста – со свахой и полдружкой. А после венца уже их сажают вместе – жениха и невесту – на отдельную подводку. Дружка с полдружкой тоже на своей подводке едут впереди всего поезда свадебного. За ними молодые, за молодыми – обязательно сват со свахой, да еще сопровождающих несколько подвод. Вот это называется «свадебный поезд». Едут до женихова дома, откудова и начинается свадебное гуляние).

После блинового вечера – снова к жениху на похмелье. После похмелья уже идут к жениховой родне. К тому, чья первая очередь угощать, и так по порядку, пока не кончит угощать женихова родня. После жениховой родни – к невестиным родителям, и пока не обойдут невестину родню. Вы опять, наверное, думаете, что как к кому соберутся – и на

¹ Блиновой день – второй или третий день свадьбы после венчания, когда в доме жениха гости «блины покупают» – в обмен на хозяйское угощение подносят свадебные подарки.

целый день. Да нет же. В каждом дворе или в доме, куда приглашают, я уже говорил, – выпьют по чайнушке. Пили-то не как сейчас, а хозяева ... разносили на подносе и каждого угощали поочередно. Вот пока обносят, дойдет очередь до последнего выпивка. Первые, кто выпил уже, закусил хорошо и песни запеваает. Пока хозяева готовят следующую подачу, глядишь, пару песен и пропоют. Хозяева, как я говорил, которые собрались в этом доме угощать, обносят второй раз. Не закончили [еще] обносить – гармонь заиграла, и застолье нарушается, пляска началась. А кто и уже засобирался на выход, особенно [те], кому очередь настала у себя собирать на столы, чтобы гостей встретить с собранными столами.

А ведь что еще было заведено – не одни приглашенные находились в помещении, где гуляют. Глядельщиков уйма. Если угощение идет в двухкомнатном доме¹, то в горнице гости за столами сидят, а прихожая забита глядельщиками. Это уже и при моей жизни было. Женщины, которые подают еду, только и кричат: «Дороги, а то ошпарю!». А иначе не пройдешь, поднос выбьют из рук. Не только в помещении, но и под окнами толпа. Загораживали окна так – хоть днем зажигай свет в доме: окна-то облепят, чтобы посмотреть. Интересно, кто как одетый, у кого какая приколка, да «серьги какие Мотька подцепила», а «Никитка прямо горстёй капусту в рот толкает без ложки».

Если гулеваны переходят с одного места в другое, то и глядельщики не отстают. Было ведь так, что угощались в одном конце деревни, а переходили в другой. Переход был гурьбой, с гармошкой, пели частушки с приплясом.

Посмотрел бы [я сейчас] на старые сидоровские времена. Как свадьба или праздник, гудит Сидоровка весельем, хотя и жили многие не в достатке. Да работали не так, как сейчас, а все вручную. Умели люди жить, работать и веселиться, – не то, что сейчас. Как не трудиться: все делалось для себя, для своей семьи, не для барина или под его велением. Вырвались из-под неволи барской...

Но ведь свадьба не кончалась очередным подворным угощением. Кончалась свадьба еще таким мероприятием. Знать [хотелось] каждому гулевану, или участнику свадьбы, на что способна молодуха (называлась невеста после венчания и первой брачной ночи уже «молодуха» до окончания свадьбы, а жених – «молодой»). Как умеет зажечь огонь и пол подметать, чтобы могла отличить добро от мусора. Опять подарки молодым. [...]

Как только отсидят в последнем доме за угощениями участников свадьбы, едут к родителям жениха. Усаживаются гости за накрытые столы, а молодые [ходят] с подносами. Жених держит поднос со спиртным налитыми стаканами. Поочередно подносит каждому. Извиняюсь, – это отец подносит, а молодой только успевает зажигать светильник, чиркает спички. А молодуха держит какую-нибудь посудину, ну, скажем, тарелку. Каждый участник свадьбы поочередно после поднесенной чарки тушит светильник или лампу керосиновую (про электричество и не знали). Потушит и бросает деньги в тарелку. Молодой снова зажигает и говорит «спасибо» за подарок. Так и продолжается, пока отец не обнесет чаркой, да по второй.

¹ Двухкомнатный дом (пятистенки) имел две комнаты, разделенные капитальной стеной, – избу (С.И. Курин называет ее на современный лад прихожей) и горницу.

Пока обносят чаркой поочередно, в это время успевают несколько песен спеть. Да шутки какие-нибудь выдросить¹ для смеха в компании. Гармонист уже начеку, уже вылез из-за стола, где-нибудь пристроился, гармонь растянул, играть начал плясовую. Ну, и гости не зевают. Кто побойчее – выскочит во двор, схватит из чьих-нибудь саней подстилку (солому или сено) в беремья, – и в дом. Бросает на пол и кричит: «Эй, молодуха, проспала сегодня и пол не подмела, смотри, сколь сору!» У молодухи уже веник в руках наготове, [она] начинает мести, а в это время [гости] бросают мелкие деньги в солому. Она должна сметать солому, да и деньги подбирать. Некоторые даже поросеночка притаскивали из своего, конечно, дому. Ягненочка, гуся бросят в сор, а он разве будет лежать или стоять, ждать, когда его возьмут в руки. Обязательно кинется прятаться куда-нибудь под кровать или под лавку. Молодые [его] ловят и передают отцу с матерью или кому из семейных. Вот и потешаются над молодыми. Тут и хохот, и крик: «Лови, а то убежит, упустили свое счастье!»

Все это делалось для шутки, для веселья. Молодые ловят, смеются и умоляют [пожалеть их], уже когда устанут. А разве уймешь кого скоро? Соберет молодуха солому в кучу, – еще кто-нибудь бросит в кучу денег. Снова разгребает да ищет деньги...

Только когда [хозяин дома] даст команду прекратить мучить молодых, [гостей] снова сажают за стол, обнесут по чарочке, поблагодарят молодые и родители за участие. А гости, в свою очередь, благодарят хозяев за приглашение и угощение. Пожелают молодым дружной и счастливой жизни. Наговаривают многое в таких случаях, да еще под хмельком. Щедрости на похвалы хоть отбавляй. На этом и заканчивается курс свадьбы. [...]

Построение церкви.

Время течет как река, а Сидоровка все разрастается уже вширь, как река в половодье. Чуть где ледяной затор – из берегов выходит, расширяется. Так и Сидоровка. Свадьбы участились, а венчаться ехать – самые ближайшие церкви Тырышенская да Тропинская, [на расстоянии] по двадцать верст каждая, а в Колывань – двадцать пять. Шибко уж неподручно, далеко, да морозы сибирские суровые.

Свадьбы-то все зимой справляли. Летом не до свадьбы: работы на поле да по домашности хоть отбавляй, но не жаловались на тяжесть. У мужского полу с рук музлы не сходили, и женскому полу доставалось. Было дело, за ткацким станком будили ото сна женщин, а девок – за вязанием или за пряжей. А как не прясть да не ткать, носили-то всё своего рукоделия одежину, от лаптей и до шапки. Мало на ком увидишь фабричного изготовления, только у зажиточных, и то в праздник, или в люди пойти, или поехать. Всё делало лето, то есть нужно приготовить, из чего прясть да ткать. Нужно посеять лен да коноплю. Сеять-то мужики сеяли, а убирать – опять женских рук не миновало. Надо выдергать, расстелить, чтобы вылежалось до тех пор, чтобы волокно от соломки отставало. Собрать, измять, чтобы соломка покрошилась да выпала, а волокно осталось. Все это нужно сделать вовремя, в свой срок. Так вот и трудились, не до женитьбы было. [...]

Стало задумываться деревенское главенство, как избежать таких трудностей, как венчание в другой деревне да крещение младенцев – тоже неизбежное событие. Хотя бабки-

¹ Выдросить – здесь, вероятно, от слова со значением «дурить», «шалить».

повитухи погружение и делали, но это не всё. Нужно миропомазание делать, а это было позволено [только] священнику. Нужно что-то решать, свою церковь строить. Собрали сход общедеревенский с предложением: обществом строить свою церковь. Таким же путем строить, как и моленную, только взносы денежные побольше. Да подальше [лес] возить, и только березник – осинник не положено впускать в постройку божьего храма, так как Июда задавился на осине, предатель Иисуса Христа. Тут уже и Южино вошло в общину, Кочетовка с Никольским¹ уже строились – тоже вошли в Сидоровскую общину на построение церкви, хотя они еще были в начальной стадии заселения.

Опять забота же Ивана Егоровича [Сидорова] – хлопоты возлагаются на деревенскую думу². Нужно обращаться в колыванское духовенство, но это дело быстро решилось. И подрядчиков нашли – не одного, а два подрядчика-строителя приехали на наемные торги. Да свой сидоровский мастер-строитель был – мокшан Рубцов Андрей. Назначили день торгов. Из Колывани приехали от духовенства представители, и из земуправы. Сделали сбор сельчан, да из Южино приехало много, из Кочетовки с Никольским.

Дело было ранней весной, тепло на улице. Собрались народу много, всю площадь заполнили. Была сделана трибуна человек на десять, а то и больше, чтобы вся братия начальствующая уместилась. Выбран был судья торгов из земуправы, который и вел торги, то есть рядился ценой за строительство с подрядчиками. Первую цену запросил Рубцов: четырнадцать тысяч. «Кто дешевле?» – объявляет судья. Один из приезжих: «Тринадцать», – объявил свою цену. Снова судья отстукивает молотком. Второй дал согласие на двенадцать. Первый приезжий – на одиннадцать. Рубцов больше не стал вступать в торги. Только приезжие друг друга старались перебороть снижением цены. [...] Остановились на одиннадцати тысячах, да на могоарыч³ две сотни – обмыть подряд.

После заключения сделки три дня продолжался могоарыч, скрепленный самогоном, да и казенка⁴ была. Неделю вели подготовительные мероприятия да сбор строителей. Начали с вывоза камня с Колывани. Есть там такое место, что залегает гранит. Да ведь площадку для церкви надо было расчищать, даже деревья нужно было срезать, оставленные для привязи коней приехавшим на базар. Да и лес находили поблизости, начали сваживать (оставались кое-где березовые деляны).

Так и началось строение церкви в тысяча девятьсот девятом году, а закончилось в тысяча девятьсот одиннадцатом. Святили [церковное здание] и первое богослужение провели на Покров. И присвоили престольный праздник⁵ Сидоровке – Покров [Пресвятой Богородицы], четырнадцатого октября. Первый священник в Сидоровке был Россов.

Начало и ход стройки церкви.

¹ Южино, Кочетовка, Никольское – ближайшие к Сидоровке населенные пункты, располагавшиеся на юге Томского уезда одноименной губернии, в современном Колыванском районе Новосибирской обл.

² «Деревенская дума» – шутовое обозначение сельского правления во главе с сельским старостой, каковым был тогда И.Е. Сидоров.

³ Могоарыч (магарыч) – угощение при удачных сделках, куплях-продажах.

⁴ Казенка – водка, изготовленная промышленным способом, обложенная казенным акцизом.

⁵ Престольный (храмовый) праздник – ежегодный праздник «именин» храма в день его освящения, в память об этом событии.

Начало строения ... я обсказал, но продолжение до конца стройки – дело непростое.

Возьмем первый вариант трудностей – заготовка леса. При заселении деревни деловой лес отступил на север, местами до двадцати километров – за Тойское займище, которое в летнее время непроезжее, [отрезано] топиями болотными, зыбунами. Дорогу проложили санную только после заморозков, когда корка почвы промерзла. [...] При выходе на берег [обнаружилось, что] займище в зарослях камыша и мелких кустарниках оставалось еще не замерзшим. Пришлось возвращаться во избежание утопления коней. Только спустя неделю после крепких заморозков снова сделали попытку, и удачно. На простых санях первые подводы прошли благополучно. Промяли снег, сделали след, но последние подводы стали проваливаться. Перебравшись на первые подводы, в полста саней проехали до березняков. Пришлось заночевать, хотя и нарезали березовых стволов, и загрузили на сани. Ночевка была безвыходная. Нужно переждать, чтобы проложенный с трудом путь сладило морозом, во избежание опасности.

Ночевка в лесу в мороз не такая трудная. Если поехал в такой путь в мороз, одевайся теплее. У каждого обозника – шуба, тулуп овчинный. Были кое у кого из двадцати пяти человек (таких было всего трое) шабуры из овчинной шерсти ... сшитые формой тулупа, с большим воротником. Все в пимах, из овечьей шерсти скатанных. Вдобавок еще лес-сухостой тут же рядом. Жги костры и грейся. [Имеется] коням корм, взятый с расчетом на два дня. Расчет был сделан для пробивки первого пути по целику вброд через снежные заносы. Без передышки не обойтись на таком дальнем пути, это ведь кони, а не машины. Вернулись на второй день к вечеру по первому пути.

Следующий обоз пошел уже по готовому пути, но все равно за один день не возвращались. [Прошло] больше недели, пока не накатали хорошую дорогу. Дальше уже стали и за день возвращаться, так как лес был заготовлен. Специально была еще летом переправлена [за Тойское займище] бригада лесорубов – человек десять, как сказывали старики. Они там устроились основательно. Построили избушку (полуземлянку) с расчетом по количеству людей. [...] Лес пошел поступать ежедневно. Десятнику была работа по регистрации [его] вывозки домохозяйствами, чтобы знать, кто свой оброк выполнил, чтобы не было недоразумения и путаницы с селянами.

Строение продолжалось с наступлением оттепели. Выпадали хорошие дни и в зимнее время – готовили лес, то есть шкурили, да пилили доски продольной пилой. Пилили вручную, так же, как и при постройке приходской школы. Строители были приезжие, расквартированные по сельчанам, где они и должны [были] питаться. Да и общественное питание было организованное, но только в теплое время, – по соседству, у Нестеренки, где и хлеб выпекался по договоренности с управой и подрядчиком стройки.

Одновременно строился и дом для священнослужителя... Он вселился еще до окончания постройки церкви. [В этом доме] и отмечали освящение церкви главы села и приехавшие из Колывани командированные священнослужители.

После построения сидоровской церкви и присвоения [селу] престольного праздника Сидоровка в праздничные дни многолюднее стала, так как стали наезжать с Никольска, Кочетовки и Южино. Особенно это получалось на Пасху, то есть Христово воскресенье.

Съезжались вечером в субботу куличи святить. Ну, это кто как мог изготовить в виде торта каравай из теста, назывался кулич.

Служба в церкви проходила всю ночь. На рассвете священник со всей своей свитой обходит вокруг церкви с молитвенной службой. Не могу сказать какие он читает [молитвы]. Но при входе в центральные ворота, при вступлении на крыльцо запекает: «Христос воскресе из мертвых, смертью смертью поправ». На крылусе¹ в церкви остаются псаломщик и часть певчих, [они] отвечают: «Воистину воскресе»... [Священник] продолжает петь «Христос воскресе» до трех раз и входит в царские двери в алтарь. С алтаря уже возвращается с сосудом, в котором священная² вода, и окропляет куличи, расставленные на какую-нибудь подстилку на полу. Для освящения куличей столь народу набивается, что не хватает места в помещении церкви. Настановят [куличей] на крыльце и до самых ворот церковной ограды.

Все это происходило до восхода солнца и даже раньше. После этого загудела Сидоровка пешеходами с куличами, спешившими на восходе солнца разговестись пасхой и свячеными крашеными яичками. Говорили: «Христос воскресе и яичко послал». Креститься с детства приучали при посадке за стол, а на Пасхе – тем более. Семей становились в ряд перед столом и молились. Старший в семье прочитает молитву, что читал поп в церкви, тогда дает команду садиться за стол, делит кулич по кусочку каждому сидящему за столом и раздает по яичку, обязательно крашеному. Когда съедят кусочки пасхи, после этого подается основная пища, у кого что приготовлено.

После завтрака взрослые ложатся отдыхать после бессонной ночи, считай, до обеда. Ах, да какой там сон. Детвора не даст покою, – ходят со двора во двор, Христа прославляют. Кто яичко даст, а кто и коржик какой-нибудь сдобный, и бегут [дети] дальше. Человек десятка два, а то и больше, [в каждом доме] перебивается. Где ж на такую ораву наберешься яиц! Ну, еще первым достается яиц, а остальным – коржики или конфеты, или пряники сладкие. Не подать просящему – это считалось грешно. Если подал просящему, значит, Бог вместо этого больше пошлет урожаем. Вот так было заведено в старое время.

Это на Пасху, а на Рождество свой стиль: «Рождество твое, Христе Боже наш...», – и так далее. Тоже должен хозяин подать – уже не яйцо, а монету. Но это все ребячьи лет до двенадцати, редко уже старшие пойдут. Да еще нищие ходили милостину просили, но те и в будничные дни ходили. То слепые, то калеки, да и таких хватало – преставляк³. Ходили из деревни в деревню, наберут кусков да продадут за спиртное. Мудрецов всяких [много] было: то погорельцем скажется, то еще что-нибудь придумает.

Был у нас один – [изображая погорельца] ездил в Славгород, обжег оглобли, сани, дугу. Хорошо у него получилось – два воза пшеницы, крупы ему надавали. Ему это понравилось. На следующий год опять поехал, но сорвалось у него с планом. Набрал с мешок зерна, пока его не признали. Как признали, да как ему взбучку дали, аж за деревню проводили бичами. Всё, Сёма-бай приехал ни с чем.

Жили в Сидоровке по-разному, – кто трудился, старался, тот и богатеть начал. [...]

¹ Крылус (искажение в духе народной этимологии) – клирос, место в церкви для певцов.

² Священная – священная, освященная в храме.

³ Преставляка – здесь – притворщик, изображающий из себя калеку или страдальца.

Снохарь.

Кончилось строительство церкви в 1911 году. Перед Покровом оставалось повесить колокола. Как рассказывают, подрядчик был юморист. [Он охотно общался с местными жителями]. Мужики собирались около чьего-нибудь двора обменяться заботой, да и опытом крестьянской работы на полях. Было большинство разговоров о посевах да о скотоводстве, а кто занимался каким-нибудь ремеслом – о своих заботах да доходах рассказывал. Ну, и переводили деловые разговоры в шутки да в былицы, похожие на анекдоты. Где-то в кругу мужиков при отдыхе в праздничный день или вечером летним подрядчик узнал про одного мужика, что он «подменяет» старшего сына, когда его нет, в постели со снохой. Умеет обманом сына [отправить] в ночную [пору] в поле.

Был один случай такой. Посылает [этот мужик] сына в поле нарубить тальнику на дрова. Указание такое дает: «Кольша, запряги-ка Карюху, да поезжай в поле с ночевкой. Нарубишь тальнику. Утром приедешь, мы его обдерем. Корьё пойдет на дуб, кожи дубить, а ободраный тальник – на дрова. Две выгоды: топливо будет, а корьё увезем в Колывань, на базаре продадим. А Карюха на свежем корме ночь-то попасется. За огородом в поскотине без нее лошадей много, да там и брать-то ... нечего, все уже вытоптано». Как не хотелось Кольше ехать от молодой жены, но ничего не поделаешь, указ отца нужно выполнять. Чего еще доброго, и плети огребешь, мужик-то еще в силе.

Летом Кольша с женой спали в амбаре. Тепло на улице, а в доме душно, да и старики мешают своим храпом да стоном. А в амбаре спокойно – одни. Вот этим-то и пользовался старик. Как только стемнеет, он встает с постели потихонечку от старухи, вроде до ветра, а сам – в амбар к снохе с припасенным подарком, привезенным на прошлое воскресенье с базара (расписной платок с кистями). Никто не слышит и не видит. Подолгу не бывает у снохи в постели, – вручит подарок, рассчитается за него – и в избу, к старухе под бочок.

Это уже не один раз происходило. Свекровка наутро пошла будить сноху, звать на помощь по хозяйству, и увидела – новенький платок у ней лежал в изголовье. Никогда она его не видела раньше. Покупать она [сноха] не покупала, – если бы купила, то сказала бы свекрови. Или хотя бы мать подарила, – все равно сказала бы. Откуда взялся такой шикарный платок? Сперва она взяла платок в руки, тогда разбудила сноху и приступила к допросу: откуда взялся платок. Если купила, так почему не сказала, самовольничает без разрешения свекрови со свекром? Был ведь такой порядок – без разрешения свекра со свекровью сноха не имела права приобрести какую-либо вещь. А то может свекровь, если под силу, и за космы оттащить, да еще и на народе ославить о непослушании свекрови.

Вот тут-то и созналась сноха свекрови, что этот платок принес свекор, чтобы она допустила его до себя, а то грозил задавить, и знать никто не будет. «Вот я и побоялась смерти, и допустила его до себя. А платок, наверно, он принес и оставил, не видела еще его». Могло и быть так, – в амбаре же темно, да еще ночь. Пощупала она его – мяконецкий да скользкий он, платок-то – шелковый. Свекровь-то тоже побаивалась своего Филиппа – строгий был. Вместе поплакали со снохой и порешили сговаривать Кольшу на раздел от отца – бесстыжего нахала.

Как говорится, хорошая слава весело по деревне бежит, а плохая – как змея, потихонечку все равно ползет, доходит до людей. Сноха ... вроде, пожаловалась матери, что

житья нет от свекра, а мать – куме по секрету: «Только ты, кумушка, никому не говори». – «Что ты, кума, разве можно про такое рассказывать». Она, конечно, никому и не рассказывала на стороне, только мужу по секрету, что творит Филипп Иванович со снохой. Но тот мужик не стал секрет держать при себе. Взял да рассказал мужикам при подрядчике. Подрядчик выбрал момент, когда это огласить при всем народе да и опозорить нарушителя Божьего [завета].

Привезли колокола для церкви. Приступили к подвешиванию на колокольню по своим местам (их было восемь штук разного размера: от 25-пудового, самого большого, а остальные – один одного меньше). [...] Потянули по блоку большой. Дотянули до проема оставленного, но проем меж колонн оказался узковат, не входит [колокол] на свое положенное место. Тогда подрядчик стройки и отделки церкви выходит к колоколу, оборачивается лицом к народу и провозглашает такую причину: «Православные крестьяне Сидоровки! Среди вас, наверное, есть грешник перед Богом, и вас, православных, прошу покинуть площадь, в помещение скрыться с созерцания божьего светила Солнца. Вот Бог не допускает благовещательный колокол на свое место. Среди вас, наверное, есть человек, который живет со снохой, обманывает сына своего и господа Бога. Но Бог узрел его среди вас». А народу-то собралось много смотреть, как будут вешать колокола на колокольню – такую тяжесть. Вся площадь заполнена, вплотную друг к другу устанавливались, только место и было свободное в оградке церковной. [...]

Филипп Иваныч видит, что дело-то обернулось в разоблачение его преступного дела. Подходит к своему куму и говорит: «Пойдем, кум, ко мне, – попьем кваску у меня дома. Хороший квас моя хозяйка сделала». Сделал такой вид, что вроде его эти слова подрядчика и не касаются. Но кум не согласился ввиду того, чтобы и на него народ не подумал плохого. «Ну, как хошь, а я пойду, попью – что-то пить шибко хочется». А жил он [Филипп] прямо за площадью ... против церкви.

Подрядчик повременил, пока он скрылся в сенцах своего дома. Тогда махнул рукой, и всё же колокол вошел на свое место. Когда закрепили его, убрали все приспособления подъема для опробования и торжественного облаговещания. Подрядчик дал знак звонарю со своей строительной бригады проделать на колокольном перезвоне музыкальную серенаду в знак окончания и готовности церкви для богослужения. Когда было исполнено колокольное повествовательное окончание, народ стал расходиться, а строители приступили к завершающему торжеству. После обхода с молебном духовная и сельская комиссия приняла [акт] о готовности церкви.

Вот такие еще были люди в Сидоровке. Его и по фамилии заочно не называли, а – «снохарь Филька». Но он всё равно не боялся Бога, только спирал на то, что зря наговаривают. Да никто лично и не вел с ним разговор на эту тему. Он и ко второй снохе было полез на полати, но та ему в лоб пинкаря дала. Он сорвался с полатей на пол и говорит, что всё равно слазить-то надо было.

А на второй раз сын его провел на хитрость. За ужином объявил, что пойдет на сходку и придет поздно – «Не закрывайтесь». А жене велел стелить постель на полу, чтобы лучше подмануть старого. Да тут как Бог помог. Вечером корова отелилась, и теленка занесли в избу. Да оно в то время так и было – телят да ягнят [холодной зимой] заносили в избу, ихнее

место было у печи русской. Вот Ванька такой вариант придумал, как отучить отца, чтобы не лез, куда не следует. [...] Жена ему все уши прожужжала, что тятенька уже надоел со своим предложением, и подарки сулит. Вот и решили они, как отучить кота шариться по чужим горшкам.

После ужина Ванька дождался, когда все улягутся, и собрался он [якобы] пойти на сходку. Погасил огонь и подошел к двери, открыл [ее] и снова закрыл, не выходя. Да посильнее хлопнул дверью, чтобы удостоверились, что он ушел из дому. А сам с осторожностью ползком дополз до постели жены и потихонечку улегся. Для всякого разнообразия скалку заранее приготовил: положил, чтобы без шума взять ее в руки. Прошло немного времени. Отец спустился с печи и пополз к постели снохи в надежде, что Ванька ушел, – может, и обломится чего. Подползает к постели, да Ваньку за ногу – хватить. А Ванька того и ждал: как его скалкой по лбу шаркнет. А сам вроде [спрашивает] телка: «Трус, чего лезешь на постель, чо тебе не лежит на месте? Только полезь еще, – получишь».

Даже не слышали, как старик на печь забрался, тихо так улегся. Наверное, сразу забыл, зачем крался к снохе. Только утром за столом и говорит сыну: «Ну, Ванька, плохой из тебя будет хозяин. Так будешь бить скотину в лоб, – не будет у тебя вестись скотина-то. Ты всех телят поубиваешь». А сам завязал голову платком, – сослался, что что-то голова разболелась. Шишку-то стыдно всё-таки показывать. После этого и Ванька запросил раздел с отцом. Через неделю уже жил у тестя на квартире временно, пока не отстроил себе дом.

Вот такие щи получились. [...]